

*Современная
русская поэзия*

Николай
ЗИНОВЬЕВ

Избранное

Николай
ЗИНОВЬЕВ

Избранное

Москва
Российский писатель
2010 г.

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

УДК 821.161.1-1

39

ЗИНОВЬЕВ Н.А.

39 Избранное. Сост. Н. Дорошенко — М.: Издательский дом «Российский писатель», 2010. — 144 с.

ISBN 978-5-91642-032-6

Николай Зиновьев — один из наиболее значительных современных русских поэтов. Его стихи отличаются высокой духовной сосредоточенностью, лаконичностью и, одновременно, предельной выразительностью.

В «Избранное» поэта вошли стихотворения, написанные в разные годы.

ISBN 978-5-91642-032-6

© Н.А. Зиновьев, 2010г.

© «Российский писатель», 2010г.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Поэзия — это все-таки ещё и волшебная игра.

А если обнаружили мы себя на краю бездны, и любая игра уже воспринимается нами как песня потерявшей рассудок Офелии, то — какую должна быть наша поэзия?

Видимо, такую, как у Николая Зиновьева:

*Как ликует за граница
И от счастья воеет воем,
Что мы встали на колени.
А мы встали на колени
Помолиться перед боем.*

Эти и многие другие стихи поэта разлетелись по всей России гораздо быстрее, чем его книги. Потому что он появился в литературе, как вспышка молнии — давно ожидаемая и вдруг высветившая из мучительной тьмы цельный и необыкновенно внятный образ нашего русского мироздания.

Его краткие, словно в граните высеченные, стихотворения не только ранят и обжигают, но и пробуждают, окрыляют. Потому что в них заключена не только красота поэтического слова, а еще и красота той рус-

ской души, которой уже сам враг рода человеческого бросил свой вызов. И это вслед за Николаем Зиновьевым мы теперь можем друг другу вымолвить:

*Друзья, давайте созвонимся,
Как храмы...*

И это берегающий в себе образ и подобие Божие русский человек даже в свой самый горький час может вот так вдруг прозреть:

*Не понимаю, что творится.
Во имя благодных идей
Ложь торжествует, блуд ярится...
Махнуть рукой, как говорится?
Но как же мне потом креститься
Рукой, махнувшей на людей?..*

Непросто было составить из всего написанного Н. Зиновьевым «Избранное». Приходилось снова и снова сопереживать воистину страдающей душе поэта и, одновременно, исполнять роль холодного оценщика...

Но — разве сама поэзия рождается не из преодоления вечного противоречия между строгими канонами ремесла и живую душой поэта?

Николай ДОРОШЕНКО

* * *

*В степи, покрытой пылью брэнной,
Сидел и плакал человек.
А мимо шел Творец Вселенной.
Остановившись, он изрек:
«Я друг униженных и бедных,
Я всех убогих берегу,
Я знаю много слов заветных.
Я емь твой Бог. Я все могу.
Меня печалит вид твой грустный,
Какой бедою ты тесним?»
И человек сказал: «Я — русский»,
И Бог заплакал вместе с ним.*

I. «Не умирай, моя страна...»

* * *

Спустился тихий вечер летний,
И только там лишь плеск волны,
Где загорелые, как негры,
Таскают бредень пацаны.

А вон тот луг, где сено косим.
Вон балка, где коров пасем.
...Прозрачным крылышком стрекозым
Печать бессмертия на всем.

* * *

Или с речки дохнуло прохладой,
Или пряно пахнуло кугой?..
С луговины станичное стадо
Плавно тронулось пыльной рекой.

Видишь, дали дымятся багрово.
Видишь, облако в той стороне,
Как набухшее вымя коровы,
Волочится по теплой стерне.

* * *

Солнце светит. Сердце бьется.
Вон сугроб сползает в тень.
Вон синица бликом солнца
По ветвям снует весь день.

А подальше — там осина,
Шест скворечни, — вот дела! —
Словно мать младенца-сына
Прямо к солнцу подняла.

Бродит зимний ветер в кронах,
А в корнях — весенний зуд...
И сугробы в тень, как брови
С удивлением, ползут.

* * *

Еле слышно часы
На запястье стучат.
От рассветной росы
Дальний луг серебрится.

Хрипло цапли кричат,
В ряске рыбы молчат...
Всё же стоило, братцы, родиться.

Пусть судьбины рука
Козни всякие строит,
Жизнь течёт, как река,
И жить — всё-таки стоит.

* * *

Минуты свободные редки,
А надо минут пятьдесят
Идти до кургана, где предки
Сухою травой шелестят,
Где сойка птенцов своих кормит,
Где крест, так похожий на «плюс»,
Опять ненароком напомним,
Куда я всю жизнь тороплюсь.

* * *

Не спалось, и я вышел во двор.
Лип верхушки над крышей плясали.
Хмель, как вор, на соседский забор
Лез неспешно. И звезды мерцали.

Легкий ветер мне дул в рукава,
Еле тлела в руке сигарета,
И кружилась слегка голова
Оттого, что вращалась планета...

* * *

Весна всегда под утро
Приходит с теплым ветром,
Приходит как-то смутно,
Почти что незаметно —
Как в дали полевые
Рассветная полоска,
Как женщина впервые
Приходит в сон подростка...

* * *

Когда поет казачий хор,
Глаза закрою я и вижу:
Ветряк, соломенную крышу,
И синий, тающий простор.
И входит в грудь мою отрада,
Хоть грусть, как жернов, тяжела.
Душе навек уже не надо
Того, чем час назад жила.

Она кружит под небесами
У птиц и солнца на виду.
А я с закрытыми глазами
Сижу в семнадцатом ряду.

* * *

На западе солнце садится светло,
Восток набухает грозюю.
Дохнула прохлада, притихло село,
И ливень — как даст! — полосую.
В саду на дорожках взрывает песок,
Сквозь солнце закатное льется...
И кажется, будто рыдает восток,
А запад как будто смеется.

ПАМЯТЬ

Стояла летняя жара.
И мама жарила котлеты.
И я вершил свои «дела» —
Пускал кораблик из газеты.

И песня русская лилась
Из репродуктора в прихожей.
Не знаю, чья была то власть,
Но жизнь была на жизнь похожа.

Я помню, как был дядька рад,
Когда жена родила двойню.
Сосед соседу был — как брат.
Тем и живу, что это помню.

НА МАЛОЙ РОДИНЕ

Неведом сердцу дух бродяжий.
Всё здесь, в родимом уголке:
И ширь полей, и пруд лебяжий,
И крюк надёжный в потолке,
И светлой рощицы прохлада,
Где мат и пьянка, срам и блуд...
Всё здесь, что мне для жизни надо.
И всё, чего не надо — тут.

1972 ГОД

Мне всего двенадцать лет.
Горя я еще не видел.
Дымом первых сигарет
Пропитался новый свитер.
На экране Фантомас
С комиссаром бьется лихо.
Там стреляют, а у нас — тихо.
Не до этого, мы строим
Тыщи фабрик и дворцов.
Назовет потом «застоем»
Это кучка подлецов.
На уроках я скучаю
И гляжу воронам вслед.

Мне всего двенадцать лет.
Счастья я не замечаю.

* * *

Когда измученный тревогой,
Начну придумывать беду,
Я к речке тропкою пологой,
Как к другу верному, иду.

... Вернусь оттуда, как из детства:
Нет глупых мыслей в голове,
Нет зла в душе, нет боли в сердце,
Лишь стрекоза на рукаве.

* * *

Я люблю эти старые хаты
С вечно ржавой пилой под стрехой.
Этот мох на крылечках горбатых...
Так и тянет прижаться щекой.

Этих старых церквей полукружья
И калеку на грязном снегу.
До рыданий люблю, до удушья.
А за что, объяснить не могу.

* * *

Любил я это время суток —
Благословенные часы!
Давясь дремотою, из будок
На дверь поглядывали псы.

Из дома выходил хозяин
И зябко кутался в тулуп.
О, незабвенный дух окраин!
О, снега скрип! О, дым из труб!

Хатенки ветхие. Сугробы.
Окошки все до одного
Глядят без зависти, без злобы.
О, время детства моего!

* * *

Вспомнится давнее-давнее:
Дворик с травою густой,
С яркими синими ставнями
Домик саманный, простой.

Еду к отцу моей маменьки
На молоко и на мёд.
Кто хоть когда-нибудь маленьким
Был, меня — знаю — поймёт..

Больше и вспомнить мне не о чем,
Не во что ткнуться душой.
Дальше пошли одни мелочи
Жизни по сроку большой.

* * *

У нас на хуторе, в Европе,
Пока ни стычек, ни боёв.
Лишь кошка прячется в укрепе,
Подстерегая воробьёв.

И жизнь, и смерть походкой тихой
Идут, — тьфу, тьфу, не сглазить чтоб.
И дед Антип с усмешкой дикой
Себе сколачивает гроб.

И говорит, что нет надёжи
Ни на кого — все пьют в семье,
И что крещёному негоже
Потом, как псу, лежать в земле.

* * *

Ветер стих. Звезда блеснула,
И другая вслед зажглась.
Стих поток дневного гула.
Стал слышнее Божий глас.

Утка низко пролетела,
Просвистела, как стрела.
Всё чего душа хотела,
Обрела.

ЗИМНЯЯ ЗАРЯ

От мороза воздух гулкий,
Подувает ветерок.
Как на палехской шкатулке
Замер зимний хуторок.

Розовит сугробов гребни
Свет зари. Хрустален звук.
А дымы из труб, как стебли,
Ветром скошены на юг.

* * *

В тупике, где заправляют
Маневровый тепловоз,
Непонятно как, но вырос
Куст душистых, чайных роз.

И, дрожащий дрожью частой,
Он в мазутном тупике
Был нелеп, как слово «счастье»
В нашем русском языке.

ИЗ ДЕТСТВА

Воды и солнца тут без меры,
А сколько песен под баян
Здесь спето нами, пионерами —
Детьми рабочих и крестьян.

Поем о Родине могучей,
О добрых, доблестных делах.
И развевается над кручей
Родной с рожденья красный флаг.

В жару лежим ничком под тентом,
Бросаем камешки в овраг,
И точно знаем: президентом
Быть может враг, и только враг.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Воспетый и в стихах, и в пьесах,
Он, как отец к своим сынам,
Уже полвека на протезах —
Что ни весна — приходит к нам.

Он и страшнее, и прекрасней
Всех отмечаемых годин.
Один такой в России праздник.
И слава Богу, что один.

ХУТОР

На моей родной земле
Лишь один такой есть хутор.
Как туманом на заре,
Весь он вишеньем окутан.

Там дремучи камыши
И закаты там багровы.
Доживают там в глуши
Долгий век казачьи вдовы.

Там у старого пруда
Ивы грустно долу гнутся.
И с войны мой дед туда
Должен, должен был вернуться.

Но пропал мой дед во мгле,
Бес войны его попутал...
На моей родной земле
Лишь один такой есть хутор.

ЗИМЕ

Будь и снежной, и холодной.
Тёплой будь, хоть как в Крыму.
Хочешь, будь какой угодно —
Я любой тебя приму.

Пусть мороз стоит в передней.
Снега пусть в саду по грудь.
Будь люблю, но последней
Для отца не будь.

В ЭТОЙ КОМНАТЕ

В этой комнате я не пишу.
Хоть в поэтах я, вроде, и значусь.
А зайду, всё вокруг огляжу,
И как мальчик трёхлетний расплачусь.

Даже сяду за стол и листок
На сукно положу пред собою,
Но, увы, даже парюю строк
Я листа пред собой не покрою.

Объяснится пора, наконец,
А то снова расплачусь, ей Богу, —
В этой комнате умер отец,
Здесь его собирали в дорогу...

ЗАВЕТ

Дорогой мой сын Илья,
Когда в землю лягу я,
По земле шагай ты споро,
Можешь даже побежать,

Под ногами я опорой
Буду намертво лежать.

В ДОРОГЕ

За окном то речушка, то — выгон,
То — мальчишка в трусишках одних.
«Кто до Н-ска, готовьтесь на выход», —
Проходя, говорит проводник.
Поезд мчится со скоростью ветра,
И нельзя повернуть его вспять.
И до Н-ска лишь семь километров.
...А до места крушения — пять.

* * *

Памяти В. Шаповалова

Еще нам с Вовкой лет по восемь,
Еще мы с ним летаем в снах,
И у соседей груш не просим, —
И носим латки на штанах.

Еще мы курим под кустами
Бычки отцовских сигарет..
И до войны в Афганистане
Еще почти двенадцать лет.

* * *

Выйдешь, станешь на кургане:
В небе, как и в старину,
Коршун, плавая кругами,
Набирает вышину.

И стоишь ты, как разиня,
Крест неспешно сотворя,
А вокруг — твоя Россия.
Да, пока ещё твоя...

* * *

Весенний воздух квасом кислым
Шибает в нос и, как в бреду,
Все чувства старые и мысли
Приобретают остроту.

Поёт ручей на дне оврага,
Колотит солнце блюдца льдин.
И мне до мудрости два шага,
А до безумия — один.

* * *

Здесь плоть моя, а дух мой там,
Где места нет душевной лени.
И скачет сердце по следам
Давно ушедших поколений.

Там подвиг духа, подвиг ратный
Спасают отчие края,
Сильна там Родина моя...
И горек сердцу путь обратный.

* * *

В. Павлюченкову

От вас, молодые, не скрою:
Не Божью, но знал благодать,
Я Родину видел такую.
Какой вам её не видать.
Я видел такую державу,
В Империи жил я такой.
Что вечно за прошлую славу
Я буду держаться рукой.
Иначе я рухну, как древо.
На нынешний глядя народ,
Глядящий то вправо, то влево.
А мы зрили только вперёд.

ВОРОНЫ

Летит косынок чёрных стая,
Мрачится неба синева.
Обсядут дерево, — простая
Берёза станет, как вдова

Иль мать, что схоронила сына
Вчера по-страшному: без слёз...
А на Руси таких косынок!
А на Руси таких берёз!

* * *

Дед остался на войне,
А страну оставил мне.
И гляжу теперь с виной,
Что творят с моей страной.
Не рублей идёт хищенье.
Душ людских. И мне прощенье
Будет, нет ли? Я не знаю.
Весь народ сбивают в стаю,
Кто противится — тех в стадо.
Что-то делать, делать надо!
Душу я свою терзаю,
На другое — не дерзаю.

Над страной кровавый смог..
 Не простят
 Ни дед,
 Ни Бог.

ОКНО В ЕВРОПУ

Я жить так больше не хочу.
О, дайте мне топор, холопу,
И гвозди — я заколочу
Окно постылое в Европу.

И ни к чему тут разговоры.
Ведь в окна лазят только воры.

СКРИП

«Как живёшь?» «Да скриплю», — отвечает
На вопрос чей-нибудь кто-нибудь.
И ответив, он даже не чаёт,
Что проник в сокровенную суть.
В погибающей нашей Отчизне,
Где живущим свет белый не мил,
Засыхает само древо жизни
И протяжно скрипит на весь мир.

ГЕРБ РОССИИ

Я при людях не плачу, не баба.
Но, двуглавый, не слишком ли слабо
Держишь в лапах остаток страны?
Чуешь пристальный взгляд сатаны?
Ты вонзи свои когти поглубже,
Позабудь вековую усталость.

Если хватку ослабишь, то тут же
Вырвут даже и то, что осталось.

* * *

Давно по миру слух ползёт,
В умах родившись не в убогих:
Россия скоро упадёт.
Не веселитесь наперёд!
Коль упадёт — придавит многих.

А может статья, что и всех.
Что, кроме мокрого следа,
Тогда останется от мира?
Молитесь лучше, господа,
За нашу Русь, а то — беда.

Так мне пророчествует лира.

РУССКОЕ ПОЛЕ

Я под небом твоим тусклым
Понял это не вчера:
Чтоб тебе остаться русским,
Куликовым стать пора.

А иначе тебя сгорбит,
Стиснет страшная беда,—

Станешь ты курганом скорби
Аж до Страшного Суда.

Будет летними ночами
Золотая снится рожь.
Деревянными крестами
До вершины зарастёшь...

РОССИЯ

Под крики шайки оголтелой
Чужих и собственных иуд,
Тебя босой, в рубахе белой
На место лобное ведут.
И старший сын указ читает,
А средний сын топор берет,
Лишь младший сын ревмя-ревет
И ничего не понимает...

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Утро. Топаю, глазею.
Что, поэту, делать мне?
«Бей жидов, спасай Расею!» —
Вижу надпись на стене,
Проступившую под краской.
Кто закрасил? Кто писал?

Дальше топаю. Пруд с ряской,
Вдалеке гудит вокзал.
Через луг тропинка вьётся.
Баба встретилась в пальто.
А в башке подспудно бьётся:
«Кто ж писал? Закрасил кто?»

ЧУДАК

Старичок собирает бутылки,
И — чужак — никуда не сдаёт.
Лишь задумчиво чешет в затылке.
Я подумал: старик — идиот.

Но спросил: «Для чего?» — с тихой лестью.
И ответил беззубым он ртом:
«Наполнять зажигательной смесью, —
Нужно будет их много потом».

ВИДЕНИЕ

Солдат спускается с пригорка,
С семьёю встреча впереди.
Медаль «За взятие Нью-Йорка»
Я вижу на его груди.
Я вижу: дочка его Танька
На речку гонит двух гусей,
Где с башни НАТОвского танка
Сын Фёдка ловит карасей.

**ВИДЕНИЕ У МОГИЛЫ
НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА**

В полночь он из-под плит выползает,
В мокрой глине его сапоги,
А в глазницах не видно ни зги,
Но где враг затаился, он знает;
Знает жизни и смерти он цену,
Всё ему рассказали в раю...

Потому за Кремлёвскую стену
Он бросает гранату свою.

ПЕЙЗАЖ

С неба снег летит, кружа,
На дорогу, на бомжа,
Что так сладко спит в кювете,
Позабыв про всё на свете.
Снег кружится, снег летает,
На лице бомжа не тает...

* * *

Дымя махоркой, на завалинке,
Седой, как лунь, старик сидит.
Я перед ним, как мальчик маленький,
Он на меня и не глядит.

I. «Не умирай, моя страна...»

И вдруг взглянул: «Что с кислой мордой?»
— Я вас спросить хотел давно...
Но он прервал: «Россию мёртвой
Живым увидеть не дано».

* * *

Люблю я тихий час закатный,
Когда остынет пыль дорог,
Когда чуть влажный и прохладный
С реки подует ветерок,
Когда над зеркалом запруды
Две-три звезды встречают взгляд,
Когда умолкнут словоблуды,
А молчуны заговорят..

* * *

Опять мы ищем виноватых.
И я кричу с толпою: «В ад их!
Четвертовать на колесе!»

Но видит Бог: мы все — разини;
И в том, что рыщет смерть в России,
Мы виноваты.

Все.

Все.

Все.

НОЧЬЮ НА КРЫЛЬЦЕ

Зеленый месяц смотрит в лужу,
Мерцают звезды, воздух чист.
Сижу, молчанье не нарушу..
Но вдруг рванут рыданья душу,
Как «хромку» пьяный гармонист.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС

Рухнул занавес. И что же?
И решили господа:
Пропадать ему негоже.
Эй, подать его сюда!
Протащили по болотам, —
Тяжеленный паразит..
Между властью и народом
Он теперь у нас висит.

ЕДИНСТВО

Иду по кромке жизни,
Дурную мысль гоня.
Шатает пульс Отчизны,
Как пьяного, меня.

Боюсь свалиться в бездну,
Ведь я совсем без крыл.
Запеть со страху песню?
Но все позабыл.

Иду по кромке жизни
Не глуп и не умён.
Неровен пульс Отчизны,
И мой час неровён.

* * *

Пора весенняя плыла,
Цвели средь мусора фиалки.
Бомжиха тройню родила
В картонном домике на свалке.
Младенцы есть хотят, к пустым
И дряблым грудям припадают.
Сквозь родовой горячки дым
Мать говорит: «Пусть пропадают...»

Россия! Мать всего людского!
Кто так посмел тебя распять?!
...В раю у Дмитрия Донского
Рука легла на рукоять.

* * *

Целый день как крест несусь,
Думая невольно:
«Чем Россию я спасу?»
Вам смешно? Мне больно.

Замирает даже дух
От тоски и страха...
На Руси любой треух –
Шапка Мономаха.

СОН ПРО НАГАН

Я собрал князей удельных,
Холодок бежит меж плеч,
Я целую крест нательный,
Я беру двуручный меч.

«Постоим за Веру, други!
Золотится на хоругви
Лик Спасителя Христа».
Но вдруг – выстрел из куста.

Подлый выстрел из нагана
Обрывает сон.
Но откуда у поганых
Мог в то время взяться он?

Это ж были те хазары,
Чья орда, как степь, дика.
А наган им комиссары
Протянули сквозь века.

РУСЬ-ТРОЙКА

Сани быстры, кони бойки —
Дремлют в гривах их ветра.
Но, увы, к трактирной стойке
Пригвождён ямщик с утра.

Посидел он честь по чести —
Вышел в липкой темноте:
Тройка здесь, и Русь на месте,
Да фальшивые, не те.

Не заметил он подмены,
Не услышал хохотка:
И пошли тут перемены,
Русь пустили с молотка...

Что теперь искать причины?
Что искать следы беды?
Мало, что ли, чертовщины:
Водка, глупость, лень, жида...

СТАРАЯ КАРТИНА

Тоска... Безверие... Хандра...
Гримасы кислые с утра.

Мы все к плохому так привыкли,
Так мил нам в душах неуют,
Что если кто-нибудь вдруг крикнет:
«Мне хорошо!» — его убьют.

Убьют холодным злобным словом,
Покрутят пальцем у виска,
И успокоятся. И снова:
Хандра... Безверие... Тоска...

Да, неприглядная картина, —
Века такую не сотрут, —
Так речка зарастает тиной,
Так ряской зарастает пруд.

* * *

Не потому, что вдруг напился,
Но снова я не узнаю, —
Кто это горько так склонился
У входа в хижину мою?

Да это ж Родина! От пыли
Седая, в струпьях и с клюкой...
Да если б мы ее любили,
Могла бы стать она такой?!

* * *

Я гляжу на стожки, на болотину,
На курган у реки, на поскотину.
И сильнее, чем прадед и дед,
Я люблю свою малую родину...
Потому что большой уже нет.

* * *

Куда идём? Кого мы встретим?
Что ждёт нас, русских, ад ли рай?
Нам всё равно. Давай отметим.
Давай по полному? Давай!

Собаки лают, как наганы,
Нас что-то страшное ждёт, брат:
Когда мы сдвинули стаканы,
Они ударили в набат.

* * *

Облака плыли низки и серы,
И мне было увидеть дано
То, как бесы зерно и плевелы
Просевали, сжигая зерно.

Я смотрел и стоял, но нестойко.
Когда бес мне один подмигнул:

«Перестройка идёт, перестройка»,
И в костре кочергой шевельнул.

И постиг я наитьем поэта
Тем, что дару пророка родня:
«Перестройка закончится эта
С наступлением Судного дня».

* * *

У карты бывшего Союза,
С обвальным грохотом в груди
Стою. Не плачу. Не молюсь я.
А просто нету сил уйти.

Я глажу горы, глажу реки,
Касаюсь пальцами морей.
Как будто закрываю веки
Несчастной Родины моей...

II. Штрихи

СЛОВО

Крикнул в сорок пятом дед: «Победа!»
Полетело слово сквозь года...
То ли не хватило ему ветра,
То ли подменил кто незаметно, —
Нам на плечи рухнула беда.

* * *

Набирает дешевизну
Жизнь и нечем дорожить.
Потерять свою Отчизну, —
Как ребёнка пережить.

* * *

Мне всё яснее год от года
Моей нелёгкой жизни ход:
Быть не могу слугой народа,
Поскольку я и есть народ.

* * *

Тесен мир. Уже не странно,
Вынув руку из кармана,

Ощутить чужую в нём, —
Что поделатъ, так живём.

* * *

Забытая Богом страна,
Ну, что же — бывает такое.
Вот если б ещё сатана
Оставил её в покое...

Я ПОНИМАЮ

Я понимаю, — не дурак, —
Чтоб пальцы, сжатые в кулак,
Разжать для крестного знамени
Нужны и сила, и уменье,
Но более всего — терпенье.

* * *

Вот сменила эпоху эпоха,
Что же в этом печальней всего?
Раньше тайно мы верили в Бога,
Нынче тайно не верим в Него.

В МОСКВЕ

Недавно был в столице я,
На всех углах милиция,

А возле площадей
Их больше, чем людей.

КЛАДБИЩЕНСКИЕ ДЕРЕВЬЯ

За оградками липы и клёны.
Вот деревья особой судьбы:
Славят жизнь их шумящие кроны,
Корни их обнимают гробы.

ДРУЗЬЯМ

Пусть мы в пророки не годимся,
Но что б не так хамели Хамы,
Друзья, давайте созвонимся,
Как храмы...

ИСХОД

От мира – прогнившего склепа,
От злобы, насилья и лжи
Россия уходит на небо,
Попробуй её удержи.

* * *

Как телу в рубище сыром,
Промозгло, маотно душе
На самом древнем рубеже
Между добром и злом...

* * *

Что в тиши кабинетной творить?
Ведь не старый ещё, не убогий,
Я б ушёл по стране побродить,
Да боюсь, что убьют по дороге.

* * *

Наконец я дождался вечерней поры.
Зазвенели, столпившись вокруг, комары,
И впиваются с жадностью в тело моё —
Хоть кому-то полезно моё бытие.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Пусть не всегда была ты стойкой
И горькую пила украдкой,
Но всё-таки была прослойкой,
А нынче стала ты прокладкой.

* * *

А поэты — те же люди,
Только больше в них Христа.
Сколько в душу им не плюйте —
Все равно она чиста.

* * *

Боже мой, уже за сорок,
А счастливых лет — ни дня...
Есть еще, конечно, порох.
Порох есть. Да нет огня...

* * *

Не помню дня рожденья своего.
Дня смерти тоже, видно, не запомню.
Живу и Светом Божьим душу полню,
Мне больше и не надо ничего.

* * *

Вот он, вопрос трёхлетней Люды,
Вопрос, казалось бы, простой:
«Зачем решётки, если люди
И с этой стороны, и с той?»

В ДЕТСКОМ САДУ

Над клумбой бабочки порхают,
И небо льется синевой.
В тени песочницы играют
Солдаты Третьей мировой...

ВОПРОС

Мы все в войне погрязли, как в проказе,
Вы задали вопрос коварный мне:
«А лермонтовский демон на Кавказе
На чьей теперь воюет стороне?»

* * *

Я верю: Россия очнётся,
Чтоб доброе дело творить,
Но прежде такое начнётся...
О чём я боюсь говорить.

* * *

Сквозь бесовщину и раздрай
Шепчу чуть слышно и невнятно:
«Ну что же, Родина, прощай».
Кто жить остался — непонятно.

РУССКИЙ ВОПРОС

Кризис... Новая идея...
Клич: «Назад!»...и клич: «Вперёд!»...
Неспроста с вопросом: «Где я?» —
Просыпается народ.

* * *

Бывают дни особой силы,
Когда в течение дня всего
Помимо «Господи, помилуй!»
Нет в мыслях больше ничего.

БОГАТСТВО

Огород к речушке. В хате
Столик с Библией. Скамья.
Полдень... Книга Бытия...
Разве этого не хватит?

В ХРАМЕ

Какие все скорбные лица!
Как горестно сжат каждый рот.
Как жаль: лишь бедою молиться
Научен мой русский народ.

* * *

Когда душа кипит от злости
На брата — это неспроста,
Ты тоже забиваешь гвозди
В запястья белые Христа.

* * *

Из всех блаженств мне ближе нищета.
Она со мной и в летний день, и в стужу.
Она тяжка. Но тяжестью щита,
Надежно защищающего душу.

РОССИЯ

Один о ней романы пишет,
Другой с трибун о ней кричит,
И только тот, кто ею дышит,
Пока молчит...

* * *

Как ликует за граница
И от счастья воеет воем,
Что мы встали на колени.
А мы встали на колени
Помолиться перед боем...

III. Лики и лица

СТАРУХА

Кожа рук темней ковриги.
В нитку стёртое кольцо.
Как страница старой книги,
Пожелтевшее лицо.
— Есть ли дети, внуки? — Что вы? —
Потемнела морщью лба:
— Я из девок да во вдовы.
Вот и вся моя судьба.

СТАРАЯ ВДОВА

А по утрам в глазах темно.
На хате крыша вовсе спрела.
И вспомнить страшно, как давно
Душа души перегорела.

Но на лице от жизни той
Остался свет. Он нестираем,
Как отблеск бедности святой
На миске с выщербленным краем...

* * *

*Памяти В. Шаповалова, С. Иванова,
погибших в Афганистане*

Они со мной коров пасут...
Снежки, как яблоки, грызут...
Проходят «зайцами» в кино...
Впервые пробуют вино...
И даже через много дней
Светло им в памяти моей!

В ПИВНОЙ

1.

«Что ты знаешь, стервец, про атаки?
Ты, я вижу, лишь выпить не слаб.
Мы бросались с гранатой на танки,
Вы бросаетесь только на баб.

А что знаешь ты про арналёты?
А прикладом фашиста убьёшь?
Что ты знаешь? И, собственно, кто ты,
Что на равных со мною тут пьёшь?..»

Молча пил водку сумрачный парень,
Прятал взгляд, что был хмур и тяжёл.
Из-за столика встал и на паре
Заскрипевших протезов ушёл.

2.

Подъезжает на коляске
И небритый, и седой.
Наливаю «под завязку».
Мне не жалко. Он – Герой.
Он в Чечне оставил ноги
И ползвода своего.
А ребята были – боги,
Помнит всех до одного.
Выпив, морщится: «Отрава».
Пьёт ещё. Потом кричит:
«На хрена мне эта слава.
Слышишь?»
Родина молчит.

* * *

Мужик-камень, шёл искры высекая
О выступы скалистые судьбы.
Судьба была такая и сякая,
А он был как бы символом борьбы.

Копилась с каждой искрою усталость,
Искрашивалась каменная плоть, –
От мужика лишь искорка осталась,
И от неё свечу зажёт Господь.

В ХРАМЕ

Ты просишь у Бога покоя,
И жаркой молитве вослед
Ты крестишься левой рукою,
Зажав в ней десантный берет.

И с ангельским ликом серьезным,
Неправый свой крест сотворя,
Вздыхаешь. Под городом Грозным
Осталась десница твоя.

Осталась она не в граните,
Не в бронзе, а просто сгнила...
Стоишь, и твой ангел-хранитель
Стоит за спиной. Без крыла.

БЕСПРИЗОРНИК

Сидит посредине России
На жутком её сквозняке,
И царское имя «Василий»
Синеет на детской руке.

Пылает, горит костерочек,
Трещат, будто в печке, дрова,
А чуть в стороне, среди кочек
Кошачья лежит голова.

Гляжу я большими глазами,
А он: «Дядя, хочешь мяска?»
И я подавился слезами,
Которым не верит Москва.

* * *

Стихает свист синиц и коноплянок,
Натруженного дня стихает гуд,
Когда сожженных солнцем
баб с делянок
Домой в прицепе трактором везут.

Они при комиссарах и буржуях
Все с той же шелухой на губе.
Гляжу на них... Когда на них гляжу я,
Мне как-то стыдно думать о себе.

* * *

Сколько помню, он такой:
Редкая бородка,
Грязный, серенький, сухой.
Лёгкая походка.
Допотопный армячок.
Детская улыбка.
— Здравствуй, Ваня-дурачок.

Как дела?

– Не шибко.

– Издеваются ли, бьют?

Что тому виною?

– Больно много подают...

Как перед войною.

СУДЬБА

Муж погиб в Афганистане,

Сын – в Чечне на поле брани.

И остался в этой мгле

Жутким, сумеречным светом,

Вместе с нею в мире этом

Внук, сидящий на игле.

ПРОВОДЫ

У ворот военкомата

Крик и слёзы матерей.

Что-то слишком хриловато

«Стройсь!» – командует старлей.

Искры сыплются на ветер

С «беломорины» в зубах,

Он уже мальчишек этих

Видит в цинковых гробах.

МАТЬ

Там, где сквозь огнедышащий чад
Солнце на ночь в ущелье свалилось,
Сын погиб...
Чтоб доняньчить внучат
Мать на время живой притворилась.

* * *

У знакомых — больная дочь.
Инвалид, понимаешь, с детства.
И никто ей не может помочь.
Нету в мире такого средства.

Понимаю, что я ни при чем,
Понимаю, умом понимаю...
Но немеет под левым плечом,
Когда взгляд на нее поднимаю...

* * *

Как барыня сановная,
Ходила средь подруг,
Когда письмо сыновнее
Ей приходило вдруг.
Ждала, запасы полнила,
В плену счастливых снов.

Все письма его помнила...
Ее убила «молния».
Казенная. В пять слов...

ПЕРЕД ВСТРЕЧЕЙ

На ветру дрожит осинка,
Хлещет веткой по глазам:
Не гляди, как гроб из цинка
Из Чечни летит в Рязань.

Но летит под небесами
Гроб и вое, и свистит.
А навстречу из Рязани
Материнский крик летит.

Сердце бьётся, время мчится.
Боже правый, сохрани,
Чтоб не видеть, что случится,
Когда встретятся они.

НА СЕНОКОСЕ

Покряхтев и похав,
Дед отладил косу.
И шагнули мы «с Богом»
По колено в росу.

Дед столетью ровесник,
Он и тут впереди, —
Даже на спину крестик
Сбился с впалой груди.
Так и шли мы, а к полдню
Я чуть ноги волок.
И, признаюсь, не помню,
Как упал на валок...
Высоко в поднебесье
Уходил в облака
«Миг», похожий на крестик
Моего старика...

* * *

Кто там на улице стреляет?
А то, повесив на забор,
Соседка тряпку выбивает,
Так называемый «ковер».

Его бы выбросить на свалку,
Но сука-бедность не дает,
И высоко вздымая палку,
Хозяйка бьет его и бьет.

С какой-то лихостью гусарской
Колотит тряпку все сильней!..

Наверно, бедной, мнится ей,
Что сводит счета с государством.

ИЗ ДНЕВНИКА

1.

Оставляя кровью метки
На извилистом пути,
Поздно ночью сын соседки
Нож домой принёс в груди.

Послезавтра будут плавно
Гроб в могилу опускать...
Да, забыл сказать о главном:
Хоронить-то будут мать.

2.

Деда знаете Игната,
Что ещё с войны с клюкой?
Он всему генштабу НАТО
Заказал за упокой.
Так нельзя, тут нет и речи.
Ведь не злом народ велик.
Но как вспомню речи Тэтчер...
Прав, по-своему, старик.

3. Суббота

Оказалось у Петровны
Из родни — один Христос.
Мы, соседи, как ведется,
Позвонили в комунхоз:

«Так и так, раба Господня
Отбыла, мол, в мир иной».
Нам ответили: «Сегодня
У бригады выходной.

Утром в девять, в понедельник
Будет все, как надлежит.
А покудова старуха
Пусть лежит, не убежит».

4. Понедельник

Эх, на голову накинуть
Ей забыли пальтецо
Или коврик, чтобы крысы
Не испортили лицо...

* * *

Летним днем на завалинке
Видел я старика:

Пнями — пыльные валенки,
Мертвой веткой — рука.

В щелях взгляда усталого:
Ни тоски, ни слезы.
Будто дерево старое
Ждет последней грозы.

* * *

Памяти В.Шапвалова

Что вы сделали с Родиной,
Не вернувшись с войны?...
У могилы Володиной
Кустик цвета вины...

Стихли ветры афганские,
Жизнь смертельно мудра...
Над страной уркаганские
Нынче дуют ветра...

Над дорогой не пройденной
Диск печальной луны...
Что вы сделали с Родиной,
Не вернувшись с войны?...

ПАМЯТИ БАБУШКИ

Травы пахнут так сладко,
Воздух тёплый такой.
За железной оградкой —
Тишина и покой.

Как зелёная туча,
За оградкой — ветла.
И калитка скрипуча,
И скамейка тепла.

Станным кажется это,
И сомненья берут:
То ли солнцем нагрета,
То ли ангел был тут?..

* * *

Он в пороках неуёмен,
Невоздержан на слова,
Но душой ещё не тёмн,
Потому, что мать жива.

Есть ещё кому молиться
За него сквозь дымку слёз.
Долго ль это будет длиться? —
То уже другой вопрос.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

От тоски или от лени
Не являлся. Наконец,
Возвратился. На колени
Перед сыном встал отец.
Плакал он, дрожали плечи,
Прах земной сжимал в горсти:
«Сын, прости меня, прости,
Не сберёг я мать до встречи»...

* * *

Тучи сизые нависли.
Глубь России. Ночь. Вокзал.
«Понимаешь, нету жизни», —
Мужику мужик сказал.

Прокатилась по буфету
Эта фраза. Стали пить:
«Наливай! Где жизни нету,
Там откуда смерти быть?»

ВРАГ НАРОДА

Боящийся шороха мыши,
Покорный всегда, как овца.

Считающий всех себя выше.
Забывший и мать и отца.
Не ищущий истины – брода.
Прислуга на шумных пирах.
Носящий лишь званье «народа»...
Такого народа – я враг.

* * *

О, дни лукавства! Злобы лета!
Лжи и предательства стезя.
Отрадной в дуло пистолета
Взглянуть, чем ближнему в глаза.

Тут даже мало быть поэтом,
Здесь только Богом надо быть,
Чтобы людей за все за это
Не ненавидеть, а любить

СТРАШНАЯ ПРИВЫЧКА

У людей появилась привычка –
Всё для тела, всё только ему.
А душа, словно яблоня-дичка,
Задарма не нужна никому.

Появились бездушные люди,
И давно их таких – легион.

Голова Иоанна на блюде,
Голова им нужна, а не он.

* * *

А я видел, как били «бомжа»
За кольцо колбасы. Били долго.
Били с толком его, не спеша,
С беспощадной улыбкой —
Как волка.

Он пытался им туфли кусать,
Под прилавок хотел закатиться.
И никто не посмел заступиться,
Только я вот — решил написать...

* * *

Куруется свалка городская,
Мерцает россыпью огней.
Не видно ей конца и края,
И ни одной звезды над ней.

Но вот уже скользит по хламу
Луч солнца — первый — там и тут.
С утра сюда, как прежде к храму,
Толпою нищие бредут...

* * *

Первые сединки в волосах.
Тонкие чулки в такую стужу.
Брови словно нитки. А в глазах —
Ничего, похожего на душу.

И стоит, румянами горя,
«Сука привокзальная», «Катюха»,
«Катька-полстакана», «Катька-шлюха».
Катя... Одноклассница моя...

* * *

Не борода, а лопата,
Глянешь и скажешь: бандит.
Что от меня ему надо?
Что он за мною следит?

Грязный, худой, как все бомжи,
Вот отошел он к стене.
Вот возвратился. О, Боже,
Вот он подходит ко мне.

Густо дохнув самосадам,
Шепчет испуганно: «Слышь,

Что от меня тебе надо?
Что ты за мною следишь?»

Взял я в буфете закуски,
Водка была, как вода.
Выпили вместе за русских,
И разошлись навсегда.

* * *

Однажды после пьянки
Проснёшься сер и хмур,
В окно посмотришь: янки
На завтрак ловят кур.

Чужим гортанным смехом
Буравят тишину,
И тащат на потеху
В сарай твою жену.

Взлетают крик и перья,
Кровавится рассвет,
А у тебя с похмелья
Подняться силы нет.

* * *

Я помню всех по именам,
Кто нас учил, что труд — награда.

Забудьте, милые, не надо...
Труд — наказание Божье нам.

Как может быть мой дух высок,
Когда до поту, до измору
Я за говядины кусок
Дворец роскошный строю вору?

Ведь я потворствую ему,
Ведь я из их, выходит, своры...
О, век! Ни сердцу, ни уму,
Ни духу не найти опоры.

ЛЕВША

Как-то утром у трактира,
(А в кармане ни гроша)
С вездесущим князем мира
Хмурый встретился Левша.

Обнял князь Левшу за плечи:
«Друг! Зайдём? За всё плачу!»
Подковать блоху полегче,
Чем ответить: «Не хочу».

И зашли они... И вышли
На бровях — во всей красе.

Был Левша наказан свыше:
Стал правшою, как и все.

* * *

Отныне все отменено,
Что было Богом нам дано
Для жизни праведной и вечной.

Где духа истины зерно?
Верней спросить: «Зачем оно
Людской толпе бесчеловечной?»

Итак, грешите, господа.
Никто за это не осудит.
Не будет страшного суда —
И воскресения не будет.

* * *

Блудный сын домой вернулся,
Дом найти он не сумел,
Отчей пылью поперхнулся,
На кривую лавку сел.

И потом, когда, однако,
На погост пошёл к родным,
Лавка верно, как собака,
Похромала вслед за ним...

III. Лики и лица

* * *

Солнце встало. Как и надо,
Голубеют небеса.
Похмельённая бригада
«С матом» лезет на леса.

А прораб, слюнявя чёлку,
Плотью чужа блудный гон,
Голоногую девчонку
Тащит в вахтовый вагон.

Истопник глядит и злится,
И от зависти томится, —
Глеет «прима» на губе.
А в котле смола курится...

Глянь, Господь, что тут творится.
Это строят Храм Тебе.

ЖАЖДА

Великой жаждой обуян,
Он продал старенький баян —
Свою последнюю отраду,
И выпил две бутылки кряду.

Пришёл домой в дымину, в стельку,
Сел на убогую постельку:
Великой жадой обуюн,
Забыл, что пропил свой баян.
И мнимые ремни накинул,
И мнимые меха раздвинул,
И пальцами затеребил,
И всех забыл, и всё забыл.
Одну мелодию лишь помнил,
И ею комнату заполнил.
Хоть пустоту рука встречала,
Звучала музыка, звучала.
И с ужасом жена глядела
На столь невиданное дело.

IV. «Когда душа взыскует неба...»

У РЕКИ

Высь небесная чиста,
Схожа с ризами Христа.
Дивный вечер! Солнце тает.
Заскользили водомеры.
Только веры не хватает,
Только веры...

* * *

Мир ужасен. Зло огромно.
Жизнь — одни шипы, без роз.
Отчего же сердцу ровно
Биться, брат? Пустой вопрос.

Вот оно и скачет, скачет.
Но не так, как воробей,
А как мячик. Да, как мячик:
Всё слабей, слабей, слабей...

* * *

Это знает лишь месяц двурогий
Как они, мои ночи, страшны,

Их страшней лишь цветы на дороге...
Просыпаюсь — ладони влажны,
Просыпаюсь от пения птичек,
На лице расписалась беда.
Кто мучитель и кто мой обидчик —
Лучше вам и не знать никогда.

В СТЕПИ ЗИМОЙ

Я шагаю в безмолвии белом,
Хорошо и просторно в степи.
Но душа, отягчённая телом,
Рвётся, будто собака с цепи.

Чуть не воеет, скулит она, ропщет:
«Отпусти, — говорит, — не сбегу,
Ты увидишь меня, я ведь, в общем,
Хорошо я видна на снегу».

Что такое сказала она?
Неужели и впрямь так черна?!

ПУСТЫННИК

...И в толпе я хожу, как в пустыне,
Никому до меня дела нет.
То ли прах раскалённый, то ль иней
Замечает за мною мой след.

Солнце к вечеру плющится дыней,
Каждый встречный на вид не жесток,
Но ты сядь и скажи им: «Воды мне!» —
Обтекут тебя, словно песок...

У МОРЯ

Какой простор! Какая сила!
Какая... братская могила.

Стою один у края тверди,
На самом древнем рубеже.
И жутко-сладостно душе
Соседство красоты и смерти.

* * *

Египет! Греция! Тунис!
Свет солнца, женщины и зелье!
О, волшебство! Круиз! Круиз —
Непроходящее веселье.

... А у меня круиз — с тоской.
Он у меня особой пробы:
По морю глупости людской
Меж островами лжи и злобы.

* * *

Не бывает тишины
Никогда в живой природе:
Во саду ли, в огороде
День и ночь шумы слышны.

Слышно, как растут грибы,
Как совы мигает веко.
Точно также без судьбы
Не бывает человека.

СЧАСТЬЕ

В обнимку с утренним туманом
Течет под ивами река.
Сиди и тешь себя обманом,
Что счастье есть наверняка.

А что твое не объявилось,
Ты не труби о том, как лось.
Наверно, где-то зацепилось
И, как блесна, оборвалось...

* * *

На берегу родной реки
Сижу и жертва, и палач.
Жить этой жизни вопреки —
Вот в чём задача из задач.

Но как о стену биться лбом,
Храня улыбку на лице?..
Как и в задачнике любом
Ответ, увы, всегда в конце.

* * *

Ты живёшь, предполагая,
Что наступит жизнь другая,
Лучше этой во сто крат.
Каждый все грехи искупит,
Но такая жизнь наступит..
На твою могилу, брат.

* * *

Смеркается поздно, и времени хватит
Телёнку сенца накопить про запас.
Но вдруг, как споткнёшься, такое накатит,
Что плюнешь на всё и сидишь целый час.

Сидишь и сидишь, и дымишь сигаретой,
И стыдно признаться, что в сорок-то лет,
О жизни, в стихах не однажды воспетой,
Совсем никакого понятия нет.

* * *

По местам ночь созвездья развесила,
Чтоб бессмертной душе было весело.
Но не весело ей. Чья вина?
Может быть, не бессмертна она?
Чтобы этот вопрос разрешить,
Надо... Впрочем, не надо спешить.

* * *

Хоть я из племени мужчин,
Я плачу очень часто,
На это — тысяча причин,
Сто тысяч, кроме счастья.

Но плачу я, увы, без слёз.
Душа моя плакуча,
Как ива та, где старый плёс,
А чуть подальше — круча...

Не знаю: кара или честь
Душа такая. Трушу.
Порою я, поскольку есть
Риск выплакать всю душу.

* * *

Куда ни глянешь — горе,
Немая стынь в груди.
О, Господи, доколе?!
Доколе, Господи?!

Как галки с колоколен,
Слова слетают с уст.
Кто вечно недоволен
Собою, тот не пуст.

Уж так душе погано, —
Что ж, знамо, не в раю,
Не зря же из стакана
Разит так серою.

Чертяку в певчем хоре
Найди его, поди...
О, Господи, доколе?!
Доколе, Господи?!

ОСЕНЬЮ

Паденье листьев. Ветра вой.
Сырой сквозняк гудит в аллее.
И чувства скорби мировой
Ещё темней, ещё острее.

Пойти в буфет и без закуски
Со скорбью этой мировой
Взять и расправиться по-русски —
Конечно, выход. Но не мой.

НОЧЬЮ

Гляжу я в небо: никого,
Лишь звёзды медленно мерцают,
Не утверждают ничего
И ничего не отрицают.

А всё ж таится в сердце страх,
Прирос он что ли к плоти тленной?
И то ли шум стоит в ушах,
То ль неумолчный гул Вселенной.

ПОЛНОЛУНИЕ

Какая полная луна
Плывёт, средь звёзд блистая.
И тишина, и тишина —
Извечная, густая.

Никто не станет возражать,
Что я при русском деле:
Стараюсь душу удержать
В ей надоевшем теле.

МАЛЕНЬКИЙ АПОКАЛИПСИС

Какая-то в воздухе смута
Стуцает несносную тьму.
Как будто я должен кому-то,
Вот только чего и кому?
Как будто отрезали крылья
Душе. Они стали мешать.
Уже и все окна открыли,
А всё равно нечем дышать...

ЖИЗНЬ

Павлу Косякову

Когда душа взыскует неба,
Лежать, уставясь в потолок,
И мрачно думать: «Жизнь нелепа» —
Вот мой губительный порок.

Уже кричит мне Жизнь сама:
«Сойди с порочного ума!
Не представляй меня химерой,
Наполни сердце тёплой верой,
Улыбкой оживи уста,
Поверь мне, видевшей Христа...»

СТРАШНЫЙ ВОПРОС

Господь, вопрос мой разреши,
Он вызывает опасенье:

Что, если Родины спасенье
В спасенье собственной души?
А я грешу, хоть в том и каюсь,
Но при раскладе при таком,
Не я ли, Господи, являюсь
Отчизны собственной врагом?!

НА ЗАКАТЕ

Солнце красное садится
Не надолго, до утра.
На кого, за что сердиться?
Жизнь убийственно мудра.

На один, что нынче прожит,
Дней уменьшился запас.
Не обидел я, быть может,
Никого. Но и не спас.

День окончен. Солнце село.
Что тут скажешь, кроме: «Эх!»
Руки целы, ноги целы.
А душа — болит у всех».

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Уйти к реке. Уединиться.
Блаженно слушать дотемна,

Как в ивняке свистит синица,
Как просто счастлива она.
Потом, вдыхая дым предместий,
Идти при звездах по тропе...
И разрыдаться вдруг, как в детстве,
От жгучей жалости к себе.

* * *

В мечтах несбыточных кочуя,
Я износился, как пальто.
Не ведал сам, чего хочу я.
А то, что сделал — все не то.

И прав племянник: «Поздно, дядя,
Ты начал Библию читать».
...Пусть на мое паденье глядя,
Хоть он научится летать.

ИЗ ДНЕВНИКА

«Отойди от меня, сатана», —
Повторяю я ночью и днём.
Не отходит. Стоит, как стена.
Богу мерзко нас видеть вдвоём.

Я крещусь! Я кричу прямо в мглу:
«Уходи!»... Но несёт холодиной

Из прихожей, где в тёмном углу
Снова спрятался он за гардиной.

ДВА БЕРЕГА

Шум, веселье на том берегу,
А на этом безлюдно и тихо,
Только возятся мыши в стогу,
Да облита луной облепиха.

Где-то тихо всплеснулся налим...
Видно, здесь буду встречен рассветом
Я с безумным желаньем моим:
Быть на том берегу и на этом.

О СЕБЕ

Ты не тверди, что жизнь преступна,
Забыты верность и любовь,
Любая встречная доступна,
Иудой стать готов любой.

Не говори: «Душа не рада
Святой заре, теплу руки...»
Все, что несправедливо — неправда,
А потому молчи. Не лги.

ДВА ВОПРОСА

Столько чувств обжигаяще разных
Мне приходит в течение дня,
Что терзаюсь вопросом не праздным:
А одна ли душа у меня?

Двоедушие, как двоежёнство,
Хоть какими цветами укрась, —
Это скрытое в генах пижонство
И пред Господом мерзость и грязь.

Не философ ни в коем я разе, —
Чтоб мне больше всю жизнь не везло, —
Но, мой брат, не из этой ли грязи
Мировое проклюнулось зло?

* * *

Под этим вечным небом стоя,
В своём заношенном пальто,
Я задаюсь вопросом: «Кто я?»
И эхом слышится: «Никто».

А может, нет меня на свете?
И всё лишь сон один, обман?
Засунул руку я в карман.
И там дыра. Лишь свищет ветер.

Стою, сомнением обрастаю
В сиянье солнечного дня.
Проносит ветер птичью стаю
Не надо мною – сквозь меня.

СУМАСШЕДШИЙ

Как хорошо в саду больничном
И нам, и птицам, и цветам!
Себя я чувствую отлично.
Как хорошо, что я не там,
Где людям не хватает солнца,
Где из-за рваного червонца
Пырнут ножом и кинут в ров;
Где тени нет улыбки кроткой,
Где зло и ложь, где суший ад!..
Недаром обнесен решеткой
По всей длине наш тихий сад.

ОКНО

Моё любимое окно,
Чего я в нём не видел только:
Вон из горла мужик вино
Глокает... Вон промчалась «Волга».

А вон последняя модель
Роскошнейшего «мерседеса»...

А за углом стоит бордель
Напротив здания собеса...

Проходит женщина... Одна...
Ворона села на верхушку...
Пока смотрел я из окна,
К нему пристроили психушку.

* * *

Встречался ль ты взглядом
с глазами младенца,
Когда он еще поперек полотенца?..
Младенец не знает ни зла, ни обиды,
Ему все вселенские тайны открыты.
Но прежде чем скажет он первое слово,
От нашего мира земного и злого
Успеет вкусить он, увы, и не раз...
И тайна бессмертья вновь скрыта от нас!

* * *

Говорят, бессмертья нету.
И души нет, говорят.
Жизнь — погибельный обряд.
Жизнь — прыжок с обрыва в Лету.

Проклят самый миг зачатья,
Как дорога в никуда...

Что молчите? Отвечайте.
Ведь неправда это, да?

ЕЩЕ РАЗ О СЕБЕ

Есть уголки в людской душе,
Куда заглядывать не надо.
Там среди мрака угли ада
Рассыпаны цветным драже;

Там меркнет Божия лампада,
Там чутко дремлет Вельзевул,
Туда заглядывать не надо.
И горе тем, кто заглянул!

* * *

Дни несутся, как сани с горы...
Как же чисто и пламенно прежде
Верил я, что все люди добры.
А теперь не могу... хоть зарежьте.

Захлебнулся, угас под дугой
Колокольчик той веры... И что же?
Но теперь в это кто-то другой
Так же верит. И дай ему, Боже.

* * *

На беду собака воет.
Сад в тумане, как в дыму.
Ум для сердца яму роет,
Сердце сеть плетет уму.

Сердце ноет от разлада,
Ум собой по горло сыт.
И туман на сучьях сада,
Как повешенный, висит...

* * *

Такое бывает нередко:
Очнешься от праздных утех
И вздрогнешь невольно, как ветка,
С которой осыпался снег.

И с душевной тоскою подранка
Глядишь, как на мерзлом окне
Пустая консервная банка
Пылает в закатном огне...

* * *

Приходят мысли, но не те,
Которым радоваться можно.

Сияют звезды в высоте,
А на земле темно, безбожно.

Кто я, сидящий у воды,
Пекущий до утра картошку,
Когда с той звездной высоты
Россия кажется с ладошку?.

* * *

На смену тьме приходит утро,
И солнце красное встаёт.
Понять, что мир устроен мудро,
Ума пока не достаёт.

От этого в душе
Такая кутерьма!..
Пока или уже
Не достаёт ума?..

ЛЮБОВЬ ЗЕМЛИ

Она всех любит без разбора,
То право свыше ей дано.
Святого старца или вора
Ей принесут — ей всё равно.

Из трав и снега её платя,
И нрав её, отнюдь, не злой,

Но кто попал в её объятия,
Тот сам становится землёй.

И вновь свободна, вновь невеста
Она, покорна и тиха,
И новое готово место
Для жениха.

* * *

«И своя, и чужая – потёмки», –
Столько лет повторяем уже.
Интересно, а наши потомки
Те же скажут слова о душе?..

Тем же всё будет двигаться кругом
И, обижены общей судьбой,
Все не поняты будут друг другом,
Каждый будет не понят собой.

Целый день, в душе робея,
Занят поиском в себе я
Чистых мыслей, светлых чувств,

Но их словно кто-то прячет, –
Ум стенает, сердце плачет,
Успокоить их я тщусь.

Но старания напрасны.
Опустился вечер ясный,
Тает гул дневной возни,
Кто-то где-то жарит мясо.
Мясо жарит, чёрт возьми!..

* * *

Память рань же, рань же
Душу, не жалей.
Всё, что было раньше,
Ты напомни ей.
Сыпь на раны солью,
Ужасом знобя,
Ведь душа лишь болью
Выдаёт себя.

* * *

Любовь и страх несовместимы —
Понять мне это помоги;
Они по виду побратимы,
По сути — ярые враги.

Я ничего не понимаю:
Я онемел, ослеп, оглох.
И переход апреля к маю
Воспринимаю, как подвох.

Сквозит нездешняя прохлада –
Не увернуться от неё.
Когда представишь муки ада,
То предпочтёшь небытиё.

* * *

Жизнь настолько могуча, сынок,
Столько в ней неразгаданной силы,
Что следы от босых её ног
Глубоки... глубоки, как могилы.

Ты ещё словно ангел небесный,
А на мне уже мрака печать.
Я в такие заглядывал бездны,
Что об этом мне лучше молчать.

* * *

Ты не бери с меня пример,
Племянник мой, не надо.
Я порожденье двух химер:
Сомненья и разлада.
Пусть над тобой горит звезда,
В которой нет искуса.
И жизнь пусть смотрит на тебя
Глазами Иисуса.

СВОЕМУ КРЕСТНИКУ

Хорошо лежать под ивой,
Тихо плещется волна.
Жизнь коровою бодливой
Только кажется. Она,
По своей глубинной сути,
Тихий ласковый телок.
Никакой в ней нету жути.
Береги её, сынок.

* * *

Не понимаю, что творится.
Во имя благостных идей
Ложь торжествует, блуд ярится...
Махнуть рукой, как говорится?
Но как же мне потом креститься
Рукой, махнувшей на людей?...

V. «Теперь, когда я верую...»

* * *

Моей души пейзаж невзрачен,
Коль он бывает у души:
Река с водою непрозрачной,
Поломанные камыши.

На берегу гнилая лодка,
Кострища чёрный, грязный след,
Но надо всем какой-то кроткий,
Необъяснимо тёплый свет...

СОН

Во сне я молился и плакал,
И свечку сжимал в кулаке,
А воск с неё на руку капал,
И кровью стекал по руке.

И стали стекающей крови
Речные долины тесны,
И мальчик, плывущий на кровле,
Сказал мне, нахмуривши брови:
«Не смей истолковывать сны»!..

СЛЕПАЯ

Не видеть света? Бог избавь!
Хоть и бывает свет не белым.
Она шагала среди трав,
И свет зари, казалось, пел им.

Куда она в такую рань
Изгибы тропки повторяла?
Её вела Господня длань,
Она ей слепо доверяла.

* * *

Я наследник любви и печали
Моих предков в аду и в раю.
То не гуси в ночи прокричали —
Предки душу узнали мою.

Леденеет ночная округа,
И хрустит под ногами листва.
Я не вырвусь из этого круга:
Круга вечной любви и родства.

И не полнись, душа моя, страхом,
И ты, сердце, не бойся: «А вдруг?»
Никогда не рассыплется прахом
Этот вечностью замкнутый круг.

* * *

Виталию Серкову

В так называемой глуши.
Где ходят куры по дорогам,
Я понял, кто я есть: души
Своей ходатай перед Богом.
О ней лишь только хлопочу.
Как мать дитя своё, лелею
И жить иначе не хочу.
Да и хотел бы – не сумею.
В преддверьи Страшного Суда
Поговорить в тиши о многом
Ты приезжай ко мне сюда,
Где куры ходят по дорогам...

ПОЛЕТ

Мчусь я полем беспредельным.
Разогнавшись налегке.
За спиной летит нательный
Крест на шёлковом шнурке.
Мы летим вдвоём с гнедою
По дороге вдоль реки.

Нас пугаясь, под водою
Тотчас прячутся нырки.
Полям, шляхом, снова полям,
Перепадочком косым.
И рождается на воле:
«Русь моя сильна не горем —
Духом, борющимся с ним!»

* * *

Молюсь о раненом солдате,
О горце, ранившем его.
Прошу у Бога благодати
Живущим, всем до одного.

Молюсь о старой проститутке,
Молюсь о банде из юнцов,
Молюсь четыре раза в сутки
По шесть часов.

Молюсь о вышедших в дорогу,
Чтоб с глаз их спала пелена.
... Когда душа взывает к Богу,
Она для зла затворена.

* * *

Петру Ткаченко

Возвращаюсь с рыбалки ночной,
Диких уток срываю с ночлега.
Я устал и замерз, как тот Ной —
Капитан и строитель ковчега.

Жутковато в суденышке углом
В полной темени плыть наугад.
Но сгущается тьма перед утром,
Это мною проверено, брат.

БЕЗДЕЛЬЕ

Я весь день лежу под ивой,
Мне в глаза летит пыльца.
Я порой рукой лениво
Муравья смахну с лица.

Облака ползут волнами,
Но не жжет мне душу стыд —
Знаю: нашими делами
Бог уже по горло сыт.

НАСТРОЕНИЕ

Строчкой Ветхого Завета
Тает в небе птичий клин.

Как скорбит душа поэта
Знает только Бог один.

Все наносное растает
В неподкупной вышине...
Все, чего мне не хватает,
То не нужно в жизни мне.

ЛЮБОВЬ

Со злобным словом на устах,
С гримасой гневною, с размаха
Как часто мы бросаем в прах
Нас сотворившую из праха.

Но невинная, она
Встаёт с земли не с жаждой мщенья,
Встаёт с улыбкой всепрощенья,
Которая лишь ей дана.

* * *

Отчего закат так красен,
Будто выкупан в крови?
Был преступен и ужасен
Век, нам данный для любви.

Горе нам, забывшим Бога!
Заржавеет скоро ось
Оттого, что слишком много
Крови в Землю пролилось.

Остановится планета
Не случайно и не вдруг,
Но не хочется об этом
Думать людям, недосуг.

ПРОСЬБА

Мне четыре года, но я грешен:
И меня вчера попутал бес,
Я во двор чужой залез
И нарвал карман черешен.

Знаю, поступил я очень плохо,
И отца подвёл, и мать, и Бога.

Жизнь свою теперь переиначу,
Зря смеётся дедушка Аким.
Мне четыре года и я плачу...
Вы меня запомните таким.

* * *

Может, радость моя неуместна
Средь насилья, разврата и лжи,
Но поверил я в то, что известно
Всему свету – в бессмертье души.

Но, увы, коротка моя радость.
Снова веру сомненья сомнут,
Но надолго запомню я сладость
Этих нескольких в жизни минут.

* * *

Ветер стих. Звезда блеснула,
И другая вслед зажглась.
Стих поток дневного гула.
Стал слышнее Божий глас.

Утка низко пролетела,
Просвистела, как стрела.
Всё чего душа хотела,
Обрела.

БЛАГОВЕСТ

Когда так небо бирюзово,
И так медвяны облака,

Я словно слышу эхо зова
Издалека и свысока.

Чей голос душу мне тревожит?
Откуда он, такой родной?
Не может быть... Или, быть может,
То тихий зов души самой.

Сквозь мрак, рожденный злым словом,
Сквозь кровь и месть,

сквозь ложь и лесть

Она своим негромким зовом
Благию весть мне шлет: «Я есть».

ОБРАЩЕНИЕ К БОГУ

Мир занят блудом и собой
И на Тебя взирает косо.
Но Ты, пожалуйста, не бойся.
Не бойся, я всегда с Тобой,

Сказал я это в тишине
И мысль по свету полетела:
«Господь нуждается во мне,
Не только я в Нём». Вот в чём дело!
Вот отчего душа запела.

МОЛИТВА

Прошу не славы, не утех,
Прошу Тебя, скорбя за брата,
Спаси мою страну от тех,
Кто распинал Тебя когда-то.

Христос, они твои враги!
Они рабы тельца золотого, —
Ты знаешь Сам, Ты помоги,
Лишь Твоего довольно слова...

ВЕРА

Равнодушный к бесславию и славе я,
По родимой плыву стороне
На своём островке православия, —
Подгребайте, кто хочет, ко мне.

На земле всё сгорит и расплавится,
Всё сожрёт ненасытный огонь,
Только мой островок и останется,
Потому что он — Божья ладонь.

ЗАРЯ

О заре писали разно:
Хорошо и безобразно.

Что ещё я напишу?
Вот стою, смотрю, дышу,
Прислонившись к сена стогу.
Слава Богу! Слава Богу!

* * *

На свиданье спешу ли с букетом
Или просто бегу по делам,
За столовским сижусь ли обедом
Или в мыслях брожу по мирам,
Шумно радуюсь строчке случайной
Или молча сижусь у огня —
Мне все мнится: с улыбкой печальной
Сверху смотрят глаза на меня.

* * *

Горели высокие свечи,
И служка снимал с них нагар.
Подняв угловатые плечи,
Священник кадилом махал.
Вдыхал я душистые струйки,
Торжественно пела душа.
Слагая молитвенно руки,
Я жить обещал не греша.

Был день Иоанна Предтечи,
Повсюду: по кругу и в ряд
Горели высокие свечи...
Высокие свечи горят!

* * *

«Всё проходит. Пройдёт и это».
(Надпись на кольце царя Соломона)

Когда душа не верила
И в ней метель мела,
Как колокол из дерева,
Никчёмной жизнь была.

Чуть чашею не треснула
Душа моя от зла,
Но сила, сила крестная
Навек её спасла.

Теперь, когда я верую,
Вокруг друзья одни.
Совсем другою мерою
Я отмеряю дни.

Всё ладится, всё вяжется,
Всё легче жизни гнёт.

И мне порою кажется,
Что это не пройдёт.

* * *

Что я тебя все грустью раню?
И помыкаю, как рабой?
Давай, душа, растопим баню
И всласть попаримся с тобой.

А после сходим к деду Ване,
Пусть он развеет нашу грусть.
Игрой на стареньком баяне,
Пускай порадуетя Русь.

Услышав чистое, родное,
Узнав знакомы черты,
Как будто платье выходное,
Моя душа, наденешь ты.

* * *

Господь, всегда я пред тобою
Стою, как лист перед травой.
Пусть грешник я, пусть дух мой мглист,
Пусть я давно иссохший лист,

Пускай предверье, а не вера
В моей душе сквозит, как сон,
Пускай молюсь я неумело,
Пусть я крещусь ещё не смело,
Услышь мой стон!..

VI. Созвучия

* * *

«В Россию можно только верить».
Ф.И. ТЮТЧЕВ

Не день, не месяц и не год —
Всегда в Россию верить нужно.
А что касается невзгод,
Они уйдут, как псы, послушно.
Они сбегут в одном исподнем,
Гонимые бичом Господним.

* * *

«И не бритый, как русский в раю».
Ю. КУЗНЕЦОВ

Русь, — глава за облаками
Средь безгрешной синевы, —
И не видно ей, увы,
Что творится под ногами.

И не бритый, как в раю,
Я в сомнении стою:

Воспевать ли, отпевать ли
Нынче Родину мою?

БОГООСТАВЛЕННОСТЬ

«И в небесах я вижу Бога».

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

Прохлада тянется из лога.
Роса. Смеркается уже.
И в небесах я вижу Бога,
Который должен быть в душе.

* * *

«Среди миров, в мерцании светил».

И. АННЕНСКИЙ

Среди миров, в мерцании светил,
Чему ты жизнь – Бог спросит – посвятил?
И что ему отвечу я на это?
Ведь до сих пор не знаю я ответа.

И лишь одно надежду в сердце будит:
Бог знает всё и спрашивать не будет.

* * *

*«Неужели Бога нет?»
Николай РУБЦОВ*

Говорили: «Его нету.
Это — опиум и бред!»
Но не верилось поэту:
«Неужели Бога нет?»

Это ж сущее мученье:
Человеку — одному..
И однажды на Крещение
Он отправился к Нему.

* * *

*«О, Русь моя! Жена моя!»
А. БЛОК*

Я не скажу тебе: «Жена»,
Я говорю: «Мне лик твой жуток,
Страна Рублева, Шукшина
И восьмилетних проституток!»

Стакан прирос к твоей руке,
И лучшим чувствам нет работы.
И гаснет с эхом вдалеке
Вопрос: «Россия, кто ты? Кто ты?!»

* * *

«Но вряд ли есть родство души...»

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

А я скажу вам: «Есть оно!»
И душ родством, как Божьим светом,
Мир озарен. И вот дано
Нам убедится было в этом.

Вилась над нами стрекоза.
В эмалированные кружки
Лилось шампанское. Глаза
На нас тарасили лягушки.

Текла беседа, как река.
Друг другу клятв мы не давали:
Что благо в юности, едва ли
Уместно после сорока.

И пусть мы были не остры
В словах, и мыслью не кипели,
Но три души, как три сестры,
Обнявшись, плакали и пели...

ЛЕРМОНТОВ

Огоньки Пятигорска.
Годы, как облака.
Сколько в жизни их? Горстка?
Или все же – века?

Ах, как все надоели!
Он подтянут и строг.
До последней дуэли
Еще несколько строк.

Он коварен, как Демон,
И печален, как Бог,
Меж землёю и небом
Не вмещается вздох.

Ветку ветер колышет,
Пусто, гулко в груди.
Он садится и пишет.
Смерть уже позади.

* * *

«Быть знаменитым некрасиво».
Б. ПАСТЕРНАК

Быть знаменитым страшно очень,
Иметь стальные надо нервы:

Ведь знаменосца, между прочим,
В сраженьи убивают первым.

Такую он имеет мету,
К нему особый интерес.
Он пораженье иль победу
Увидеть может лишь с небес.

ЖУРАВЛИ

*«Выходите скорей,
чтоб взглянуть на высоких своих!»*

Н. РУБЦОВ

Который год над нашим краем
Не пролетают журавли,
А мы живём и умираем
В заботах мелочных, в пыли.

В сердцах своих не носим света,
Живём бездумнее травы.
Я сам приветствую соседа
Кивком небрежным головы.

Не подаём убогим хлеба,
А с раздраженьем гоним прочь.

Христу, всё видящему с неба,
Как от тоски не изнемочь?

В молитве рук не простираем
При виде утренней зари,
И потому над нашим краем
Не пролетают журавли...

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Светлой памяти Ю.П. Кузнецова

Сдул страну и не заметил,
Будто пыль стяхнул с колен,
Сильный ветер, злобный ветер,
Жуткий ветер перемен.

По развалинам порыскал
И поспать улёгся в ров;
Чем-то тёплым нас обрызгал
И солёным. Боже, кровь!...

Век грядущий дик и мрачен,
Как волчицы старой зев,
Но его мы одурачим,
Раньше срока умерев.

* * *

«Это только тягостная бредь».

С. ЕСЕНИН

Стала жизнь как тягостная бредь,
Каждый день стал душу рвать на части.
Кто успел пораньше умереть,
Может быть, остался даже счастлив.

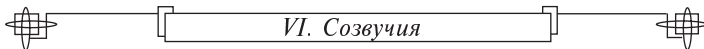
Может я кощунствую, прости
Господи! Сними с народа ковы.
Дай нам переждать в Твоей горсти
Страшный сей период ледниковый.

* * *

«Горе горькое по свету шлялося».

Н.А. НЕКРАСОВ

Наше горе по свету не шляется,
Оно с нами с рожденья живёт:
С мужиками вина напивается,
Со старухами корку жуёт.
Ходит в церковь тропинками узкими,
Держит свечку, читает псалмы,
Знает прелесть сумы и тюрьмы, —
Без него мы бы не были русскими.

VI. Созвучия

* * *

«А может быть, России вовсе нет».

Г. ИВАНОВ

«России нет».

Ю. КУЗНЕЦОВ

Не искал я слов красивых,
Мысль пришла, как пуля в лоб:
«Положеньё у России —
Положение во гроб».

Написал и тут же каюсь
В написаньи страшных слов.
Я, допустим, ошибаюсь.
А Иванов? Кузнецов?

* * *

«Только синь сосёт глаза».

С. ЕСЕНИН

Пал и колокол, и пушка —
Не у дел. Горят мосты.
И стоит одна Царь-Кружка,
А вокруг — кресты, кресты.

А кто жив, тот обессилен, —
Пала Божия гроза!
Потеряли мы Россию.
«Только синь сосёт глаза...»

* * *

Бог ли всех нас позабыл?
Злой ли дух приветил?
Были силы — нету сил,
Брошены на ветер.
И друг другу стали мы
Словно псы цепные.
«Колокольчики мои, —
Я кричу навзрыд из тьмы, —
Цветики степные!»

VII. «В своих стихах я не пою...»

* * *

Пишу стихи свои я, чтоб
Стал русофилом русофоб.
Я знаю, это очень сложно,
Но если, в принципе, возможно
Готов писать я день и ночь
С тем, чтоб стране своей помочь.
Готов собою пренебречь,
Чтоб только Родину сберечь.
Об этом, собственно, и речь.

* * *

Он поэт, потому и презрел неуют,
Поселился в заброшенном доме.
На стихи его ангелы песни поют,
Когда спит он в углу на соломе.

И пустые бутылки темнеют в углу,
В те бутылки, себя не жалея,
Загонял он ночами вселенскую мглу,
Чтоб свет белый стал ещё белее.

И когда возлетел в небеса его дух,
Он навечно заснул на рассвете,
Поперхнулся, зарю возвещая, петух,
И грудные заплакали дети.

* * *

Искусство лжёт, как сатана,
И борода его из ваты.
И не искусства ждёт страна,
А повышения зарплаты.
За все грешки и все грехи,
И за свиданья с Музой-дурой,
Я вас прошу мои стихи
Не называть литературой.

Мои стихи есть жизнь сама,
Порой сводящая с ума...

* * *

Это только слов игра,
Это мыслей перепляска,
Это тонкая игла,
Это чувственная сказка.
Это — тоненький рожок,
Петь его не приневолишь.
Это только смерть, дружок.
Только смерть, дружок.
Всего лишь...

И когда, готов к отплытью,
И горит прощальный свет,
Ты приходишь вдруг к открытию,
Что и в счастье счастья нет.

МУЗА

Безлистных веток колыханье,
Луны холодный, синий свет.
Чуть затаённое дыханье:
Придёт сегодня или нет?

Мерцают яркие светила,
Слегка захватывая дух,
И обострённый ловит слух:
«Очнись! Я разве уходила?»

* * *

Писать о радости, о жизни —
Таким я мнил удел поэта,
Но в погибающей Отчизне
Возможно ль это?
И я пишу на злобу дня,
Даст Бог, буду писать и впредь я.
Ведь этой самой злобой дня
Пронизаны тысячелетья.

* * *

Пока я не пошёл ко дну,
Одетый в смертную сорочку,
Господь, даруй мне хоть одну
Во мгле мерцающую строчку.

И чтоб от этого мерцанья
Сказали просто и светло:
«Он был поэтом отрицанья,
Но отрицал он только зло».

* * *

Ишь, как пышно сирень распустилась!
А душа как скукожилась, брат!
Жив — и то уже Божия милость,
Хотя жизнь и похожа на ад.

Но на ад она только похожа.
Гложет грусть за родные края...
Что за женщина — кости да кожа,
Бродит, беды людские итожа?
Это — муза, простите, моя.

А в руках её толстая книга,
Хоть и слабы её рамена,

Всех прорабов бесовского ига
В ней запишет она имена.

ПОЭЗИЯ

Ночь настала. Зябко. Сыро
Звёзды шепчутся в тиши.
И витает тайна мира
Рядом с тайною души.
С речки ветра дуновенье
Опьяняет без вина.
Этих тайн прикосновенье
Может быть, и есть Она?..

* * *

Муж на ночь продаёт жену,
Мать, — мать ли? — продаёт ребёнка,
Чиновник продаёт страну..
А я всё медлю, всё тяну
Из лиры выдернуть струну
Да и повеситься тихонько.
Греховна эта мысль сама,
В ней — в ад прямое попаданье.
Как тяжело сдержат рыдания!
Как трудно не сойти с ума!

РУССКИЙ СЛУХ

В своих стихах я не пою
А в рифму скрежещу зубами
Про жизнь ничтожную свою,
Так узнаваемую вами.

Вот потому-то этот скрежет
Смятения и злой судьбы
Вам слуха вашего не режет,
Хотя, казалось, должен бы...

* * *

Эх, подкачу-ка я штанины,
Несите ноги, вы вольны,
Куда хотите гражданина
Несуществующей страны...

Ну что же, нет страны, и ладно,
Выходит, кончилось кино.
Зато пока еще прохладно
В бутылке терпкое вино.

А если я при всем при этом,
При всем при этом да при том
Не стану даже и поэтом,
То точно, сделаюсь шутом.

Я бубенцами стану звякать,
Глотну вина и брошусь в пляс,
Чтоб ненароком не заплакать.
Навзрыд...
Беззвучно...
Как сейчас.

БЕЗГЛАГОЛЬНОЕ

Зима. Колхозная плотина.
В запруду вмерзшая доска.
Мороз. Тоска. Худой ботинок.
Крик петухов. Опять тоска.

Стук сердца. Ветер. Сигарета.
Край поля. В небо колея...
О, вековечный враг поэта —
Неизреченность бытия!..

* * *

К тебе, брат, речь я обращаю,
Коль с болью ты души знаком,
Её с тобой не разделяю,
А забираю целиком,

Вобрать в себя всю боль людскую?
А почему, скажите, нет?

Задачу именно такую
Приходит в мир решать поэт.

Решит ли, нет — другое дело...
О сколько их уже сгорело
На этом поприще святом!
Хотя бы помните о том.

ПОЭТ

Его корявые стихи
Зацепят встречного любого:
Будь то казачка черноброва
Или писатель чепухи.

Его корявые стихи
Сердца царапают и души
Везде — на море и на суше, —
Где люди есть, там есть грехи.

Он силы все отдал стихам —
Плодам изломанной судьбины.
Их непомерные глубины
Порой постичь не в силах сам.

УТРО ПОЭТА

Проснулся сегодня я с третьей попытки,
Хотя уже думал во сне: «Всё. Шабаш».

Лежат аккуратно орудия пытки
На столике: лист и простой карандаш.

На росные травы вползают улитки,
И солнце надежды над миром встаёт..
Проснулся сегодня я с третьей попытки, —
Проснувшийся с первой, меня не поймёт.

В БОЛЬНИЦЕ

Эта с запахом мерзким палата,
И на окнах решёток штрихи —
Не высокая слишком ли плата
За ненужные людям стихи?

* * *

Лирик я, лирик по сути:
Я писал бы о песнях дождей,
О заре на озёрной полуде,
О таинственных криках сычей.

Не даёт же мне в лирику впасть
Эта чёрная, скользкая власть,
Что так схожа с пиявкой болотной,
Присосавшейся к шее народной
И напившейся крови до жути...
...Лирик я, лирик по сути.

ПОЭЗИЯ

То вдруг Медведицей Большою,
То тенью синей на снегу,
То вдруг зарницей за рекою
Она мне не даёт покою
Как другу, а не как врагу.
В мгновенья те, когда я с нею,
Я сердцем и умом яснею,
Я ближе к истине и вере, —
Так кажется, по крайней мере...

VIII. «В золотом сиянье дня...»

* * *

Ничего о себе не оставила,
Говорю я тебе не в укор.
Сердце дрогнуть, прощаясь, заставила,
И тоскует оно до сих пор.
Жизнь с годами щедрее на грубости.
Как дела? Говорю: ни-че-го.
И шалея от собственной глупости,
Возвращения жду твоего.

* * *

Я избегаю встреч случайных.
Я обхожу тебя, как храм,
Обходит грешник изначальный.
Но светом глаз твоих печальных
Мне светит солнце по утрам.
Нет, я от грусти не стенаю.
Для продолжения пути
Своё я детство вспоминаю,
И крестик... на твоей груди.

ТРИ ПЕСНИ ЛЮБИМОЙ

1. Чистая

И шарф, и нитка жемчуга,
И платье – на полу.
Осталась только женщина,
Которую люблю.
Остались украшения,
Которым – Бог творец.
И головокружение.
И грохот двух сердец.
И пальцы, что на талии
Сомкнулись, как замок...
А что случится далее,
Тому судья лишь Бог.

2. Нежная

Вся в прошлое ночь наша канула.
Страсть стихла, как в шкафчикемышь,
О, как дорога мне рука моя.
Рука, на которой ты спишь.

Давно уже пахнет ковригою,
И стадо давно за рекой.
А я всё лежу и не двигаю
Вконец онемевшей рукой.

3. Светлая

У вяза исчезла сутулость,
Вовсю распахнулись цветы.
Что в мире случилось? Проснулась!
Проснулась, любимая, ты!..

* * *

А в глубинке моей
Нет ни гор, ни морей.
Только выгон с привязанной телкой.
Да древко камыша,
На котором душа,
Маясь, мечется сизой метелкой.

Но случается вдруг
Чувства светлые в круг,
Вопреки всем невгодам и бедам,
Собираются все,
Как свет солнца в росе,
Как семья в старину за обедом...

* * *

Низкий берег. Куст калины.
На меже пустой шалаш.
А над нами журавлиный
Клин длиною в «Отче наш».

Обесцвеченно и постно
Улетает в никуда
Шёпот: «Лучше никогда,
Чем поздно».

КОНЕЦ СВЕТА

Он начинается с разлада
В обыкновеннейшей семье.
И жизнь уже, как сколок ада,
Осколок ада на Земле.

Страницы Нового Завета
Листаю я, не видя их.
Так наступает Конец Света...
По крайней мере, для двоих.

ДИПТИХ

1.
Муж бьёт неверную жену.
— Опять мне изменила?
— Сними с меня мою вину,
Я в нём тебя любила.

Ответ лукав, как сто чертей,—
Мужик затылок чешет,

Прощает он измену ей.
А баба? Баба брешет.

2.

А вот дела наоборот:
Жена ругает мужа:
С кем спал вчера ты, обормот?
(Муж с похмела к тому же)

Мужик, он бабе не чета.
Он курит и скучает,
И хоть не помнит не черта,
«Прости»,— ей отвечает.

* * *

«Опять ты пьян. Ну, сколько можно?» —
Мне тихо говорит она,
Пиджак снимая осторожно,
А я мычу: «Прости, жена...»
И слёзы пьяно вытираю...
Такую женщину теряю!

СТАНСЫ

Я не сетую вовсе на небо,
Вспоминая прошедшие дни,

Но я все-таки с женщиной не был, —
Попадались лишь бабы одни.

Пил я водку с отчаянной злобой,
Усмехался в тарелке карась.
И любви не питая особой,
Мы в постель с ней ложились, как в грязь.

Не в себе ли искать мне причину?
Может, каждой под свет ночника
Тихо думалось: «Вот бы мужчину!
А судьба мне опять — мужика».

* * *

Как ведётся, в небе — птицы,
Как ведётся, в венах — кровь.
А любовь в глазах блудницы?
Или это не любовь?

Это — чудо? Нет, не чудо.
Ну, тогда скажи, откуда
В золотом сиянье дня
Отблеск адского огня?

* * *

Пахнет мятой и аиром,
Как и прежде, как и впредь.
Ангел, реющий над миром,
Вниз боится посмотреть.

Наделён он страшной силой,
Сверху все мы на виду..
Спящий с женщиной немилой
Не проснётся ли в аду?..

БАБА ЯГА

Незамужняя ты и бездетная,
В каждом встречном ты видишь врага.
А врождённая женственность где твоя?
Ты ведь всё-таки баба, Яга.
Но молчит, только смотрит зловеще на
Этот мир, населённый людьми..
Вот какую становится женщина
Без любви.

ОТКРЫТИЕ

Я прежде жил, как истукан.
Пришла она и без огласки

Во мне открыла океан
Дремавшей нежности и ласки.
И я, — да что там говорить! —
Стал просыпаться даже раньше,
Чтоб чай покрепче заварить
Моей усталой Магелланше.

* * *

Все женщины разные очень.
Особенно в жаркие ночи:
Одна молчалива, как птица.
Другая пылает, как зорька.
А есть та, которая снится.
Которая снится. И только.

* * *

Я сыт по горло распрями,
Я весь опух от слез,
А я ведь очень ласковый
И добрый, словно пес.

Пути судеб неведомы,
Но сходятся они.
Весь век я буду преданным,
Ты только помани...

МУЗЫКА

Когда так музыка божественна,
Всерьёз завидую роялю:
Ведь на него такие женщины
Такие руки так роняли.

И если мне на душу мглисто
Осядет тучею беда,
Ты мне хоть что-нибудь из Листа
Сыграй, пожалуйста, тогда.

Она, как вздох, неудержима,
И как мечта, светла она.
По сути, музыкой мы живы,
Как нами музыка жива.

Ты — чувств возвышенных Отчизна.
Любовь, и та не над тобой,
Когда прилюдно и пречисто
Трубач целуется с трубой.

* * *

Куда, не пойму, меня ночка морозная вынесла.
Лечу в окруженье снежинок, как прожитых лет.
Насколько всё в жизни со смыслом,
Настолько без вымысла,

VIII. «В золотом сиянье дня...»

* * *

Ни закатов жарких у реки,
Ни рассветов не было в полнеба,
Просто попросил ее руки,
Как голодный просит хлеба.

Медленным ответила кивком,
Стиснула доверчиво запястье...
Разве мог мечтать я о таком?
Господи, за что мне это счастье?

Содержание

ОТ ИЗДАТЕЛЯ.....	3
<i>«В степи, покрытой пылью брэнной...».....</i>	5
I. «Не умирай, моя страна...»	
<i>«Спустился тихий вечер летний...».....</i>	7
<i>«Или с речки дохнуло прохладой...».....</i>	7
<i>«Солнце светит. Сердце бьется...».....</i>	8
<i>«Еле слышно часы...».....</i>	8
<i>«Минуты свободные редки...».....</i>	9
<i>«Не спалось, и я вышел во двор...».....</i>	9
<i>«Весна всегда под утро...».....</i>	10
<i>«Когда поет казачий хор...».....</i>	10
<i>«На западе солнце садится светло...».....</i>	11
ПАМЯТЬ.....	11
НА МАЛОЙ РОДИНЕ.....	12
1972 ГОД.....	12
<i>«Когда измученный тревогой...».....</i>	13
<i>«Я люблю эти старые хаты...».....</i>	13
<i>«Любил я это время суток...».....</i>	14
<i>«Вспомнится давнее-давнее...».....</i>	14

«У нас на хуторе, в Европе...».....	15
«Ветер стих. Звезда блеснула...».....	15
ЗИМНЯЯ ЗАРЯ.....	16
«В тупике, где заправляют...».....	16
ИЗ ДЕТСТВА.....	17
ДЕНЬ ПОБЕДЫ.....	17
ХУТОР.....	18
ЗИМЕ.....	18
В ЭТОЙ КОМНАТЕ.....	19
ЗАВЕТ.....	19
В ДОРОГЕ.....	20
«Еще нам с Вовкой лет по восемь...».....	20
«Выйдешь, станешь на кургане...».....	21
«Весенний воздух квасом кислым...».....	21
«Здесь плоть моя, а дух мой там...».....	21
«От вас, молодые, не скрою...».....	22
ВОРОНЫ.....	22
«Дед остался на войне...».....	23
ОКНО В ЕВРОПУ.....	24
СКРИП.....	24
К ГЕРБУ РОССИИ.....	24
«Давно по миру слух ползёт...».....	25
РУССКОЕ ПОЛЕ.....	25
РОССИЯ.....	26
«Утренняя прогулка...».....	26
ЧУДАК.....	27
ВИДЕНИЕ.....	27

ВИДЕНИЕ У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА.....	28
ПЕЙЗАЖ.....	28
«Дымя махоркой, на завалинке...».....	28
«Люблю я тихий час закатный...».....	29
«Опять мы ищем виноватых...».....	29
НОЧЬЮ НА КРЫЛЬЦЕ.....	30
ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС.....	30
ЕДИНСТВО.....	30
«Пора весенняя плыла...».....	31
«Целый день как крест несущ...».....	31
«Сон про наган...».....	32
РУСЬ-ТРОЙКА.....	33
СТАРАЯ КАРТИНА.....	33
«Не потому, что вдруг напился...».....	34
«Я гляжу на стожки, на болотину...».....	35
«Куда идём? Кого мы встретим?...».....	35
«Облака плыли низки и серы...».....	35
«У карты бывшего Союза...».....	36

II. Штрихи.....37

III. Лики и лица

СТАРУХА.....	45
СТАРАЯ ВДОВА.....	45
«Они со мной коров пасут...».....	46
В ПИВНОЙ.....	46

«Мужик-кремень, шёл искры высекая...».....	47
В ХРАМЕ.....	48
БЕСПРИЗОРНИК.....	48
«Стихает свист синиц и коноплянок...».....	49
«Сколько помню, он такой...».....	49
СУДЬБА.....	50
ПРОВоды.....	50
МАТЬ.....	51
«У знакомых — больная дочь...».....	51
«Как барыня сановная...».....	51
ПЕРЕД ВСТРЕЧЕЙ.....	52
НА СЕНОКОСЕ.....	52
«Кто там на улице стреляет?...».....	53
ИЗ ДНЕВНИКА.....	54
«Летним днем на завалинке...».....	55
«Что вы сделали с Родиной...».....	56
ПАМЯТИ БАБУШКИ.....	57
«Он в пороках неуёмен...».....	57
ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА.....	58
«Тучи сизые нависли...».....	58
ВРАГ НАРОДА.....	58
«О, дни лукавства! Злобы лета!...».....	59
СТРАШНАЯ ПРИВЫЧКА.....	59
«А я видел, как били “бомжа”...».....	60
«Курится свалка городская...».....	60
«Первые сединки в волосах...».....	61
«Не борода, а лопата...».....	61

«Однажды после пьянки...».....	62
«Я помню всех по именам...».....	62
ЛЕВША.....	63
«Отныне все отменено...».....	64
«Блудный сын домой вернулся...».....	64
«Солнце встало. Как и надо...».....	65
ЖАЖДА.....	65

IV. «Когда душа взыскует неба...»

У РЕКИ.....	67
«Мир ужасен. Зло огромно...».....	67
«Это знает лишь месяц двурогий...».....	67
В СТЕПИ ЗИМОЙ.....	68
ПУСТЫННИК.....	68
У МОРЯ.....	69
«Египет! Греция! Тунис!...».....	69
«Не бывает тишины...».....	70
СЧАСТЬЕ.....	70
«На берегу родной реки...».....	70
«Ты живёшь, предполагая...».....	71
«Смеркается поздно, и времени хватит...».....	71
«По местам ночь созвездья развесила...».....	72
«Хоть я из племени мужчин...».....	72
«Куда ни глянешь — горе...».....	73
ОСЕНЬЮ.....	73
НОЧЬЮ.....	74
ПОЛНОЛУНИЕ.....	74

МАЛЕНЬКИЙ АПОКАЛИПСИС.....	75
ЖИЗНЬ.....	75
СТРАШНЫЙ ВОПРОС.....	75
НА ЗАКАТЕ.....	76
ОСЕННИЙ ДЕНЬ.....	76
«В мечтах несбыточных кочуя...».....	77
ИЗ ДНЕВНИКА.....	77
ДВА БЕРЕГА.....	78
О СЕБЕ.....	78
ДВА ВОПРОСА.....	79
«Под этим вечным небом стоя...».....	79
СУМАСШЕДШИЙ.....	80
ОКНО.....	80
«Встречался ль ты взглядом с глазами младенца...».....	81
«Говорят, бессмертья нету.....».....	81
ЕЩЕ РАЗ О СЕБЕ.....	82
«Дни несутся, как сани с горы...».....	82
«На беду собака воеет...».....	83
«Такое бывает нередко...».....	83
«Приходят мысли, но не те...».....	83
«На смену тьме приходит утро.....».....	84
ЛЮБОВЬ ЗЕМЛИ.....	84
«И своя, и чужая - потёмки...».....	85
«Целый день, в душе робея...».....	85
«Память рань же, рань же...».....	86
«Любовь и страх несовместимы...».....	86
«Жизнь настолько могуча, сынок...».....	87

«Ты не бери с меня пример...».....	87
СВОЕМУ КРЕСТНИКУ.....	88
«Не понимаю, что творится...».....	88

V. «Теперь, когда я верую...»

«Моей души пейзаж невзрачен...».....	89
СОН.....	89
СЛЕПАЯ.....	90
«Я наследник любви и печали...».....	90
«В так называемой глуши.....».....	91
ПОЛЕТ.....	91
«Молюсь о раненом солдате...».....	92
«Возвращаюсь с рыбалки ночной...».....	93
БЕЗДЕЛЬЕ.....	93
НАСТРОЕНИЕ.....	93
ЛЮБОВЬ.....	94
«Отчего закат так красен...».....	94
ПРОСЬБА.....	95
«Может, радость моя не уместна...».....	96
«Ветер стих. Звезда блеснула...».....	96
БЛАГОВЕСТ.....	96
ОБРАЩЕНИЕ К БОГУ.....	97
МОЛИТВА.....	98
ВЕРА.....	98
ЗАРЯ.....	98
«На свиданье спешу ли с букетом...».....	99
«Горели высокие свечи...».....	99

«Когда душа не верила...».....	100
«Что я тебя все грустью раню?...».....	101
«Господь, всегда я пред тобою...».....	101

VI. Созвучия

«Не день, не месяц и не год...».....	103
«Русь, — глава за облаками...».....	103
БОГООСТАВЛЕННОСТЬ	104
«Среди миров, в мерцании светил...».....	104
«Говорили: «Его нету...».....	105
«Я не скажу тебе: «Жена».....	105
«А я скажу вам: «Есть оно!».....	106
ЛЕРМОНТОВ	107
«Быть знаменитым страшно очень...».....	107
ЖУРАВЛИ	108
ВЕТЕР ПЕРЕМЕН	109
«Стала жизнь как тягостная бредь...».....	110
«Наше горе по свету не шляется...».....	110
«Не искал я слов красивых...».....	111
«Пал и колокол, и пушка...».....	111
«Бог ли всех нас позабыл?...».....	112

VII. «В своих стихах я не пою...»

«Пишу стихи свои я, чтоб...».....	113
«Он поэт, потому и презрел неуют...».....	113
«Искусство лжёт, как сатана...».....	114
«Это только слов игра...».....	114

МУЗА.....	115
«Писать о радости, о жизни...».....	115
«Пока я не пошёл ко дну...».....	116
«Ишь, как пышно сирень распустилась!...».....	116
ПОЭЗИЯ.....	117
«Муж на ночь продаёт жену...».....	117
РУССКИЙ СЛУХ.....	118
«Эх, подкачу-ка я штанины...».....	119
БЕЗГЛАГОЛЬНОЕ.....	119
«К тебе, брат, речь я обращаю...».....	120
ПОЭТ.....	120
УТРО ПОЭТА.....	121
В БОЛЬНИЦЕ.....	121
«Лирик я, лирик по сути...».....	122
ПОЭЗИЯ.....	122

VIII. «В золотом сиянье дня...»

«Ничего о себе не оставила...».....	123
«Я избегаю встреч случайных...».....	123
ТРИ ПЕСНИ ЛЮБИМОЙ.....	124
«А в глубинке моей...».....	125
«Низкий берег. Куст калины...».....	125
КОНЕЦ СВЕТА.....	126
ДИПТИХ.....	126
«Опять ты пьян. Ну, сколько можно?».....	127
СТАНСЫ.....	127
«Как ведётся, в небе — птицы...».....	128

<i>«Пахнет мятой и аиром...»</i>	129
БАБА ЯГА.....	129
ОТКРЫТИЕ.....	129
<i>«Все женщины разные очень...»</i>	130
<i>«Я сыт по горло распрями...»</i>	130
МУЗЫКА.....	131
<i>«Куда, не пойму, меня ночка морозная вынесла...»</i>	131
<i>«Тоски улыбка желчная...»</i>	132
<i>«Ни закатов жарких у реки...»</i>	133

Современная русская поэзия

Николай Александрович ЗИНОВЬЕВ

ИЗБРАННОЕ

Составитель – Н.И. Дорошенко
Технический редактор – Е.И. Косырева

Подп. в печать 20.02.2010 г. Формат 70х100 ¹/₃₂
Бумага офсет №1. Гарнитура Newton С.
Печать офсетная. Печ. л.: 4,5
Тираж 1000 экз. Заказ №

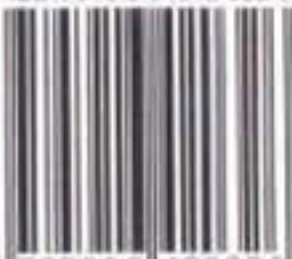
АНО «Редакционно-издательский дом «Российский писатель»
119146, Москва, Комсомольский пр-т, 13
тел./факс: +7(499)246-58-43
sp@rospisatel.ru
www.rospisatel.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного издательством
электронного оригинал-макета
в ГУП «Клинцовская городская типография».
243140, Брянская обл., г. Клинцы,
пер. Богунского полка, 4а
тел.: 8(48336) 4-24-56; 4-04-18; 4-35-89.

Николай Зиновьев — один из наиболее значительных современных русских поэтов. Его стихи отличаются высокой духовной сосредоточенностью, лаконичностью и, одновременно, предельной выразительностью.

ISBN 978-5-91642-032-6

9 785916 420326